

В.В. Башкеев*

**Первые результаты текстологического анализа
Гао-ди цзи шан (Хроника Гао-ди, часть первая)
из *Хань шу* в сопоставлении с
соответствующими главами из *Ши цзи***

АННОТАЦИЯ: Настоящая статья представляет первые результаты текстологического анализа *Гао-ди цзи шан* (Хроника Гао-ди, часть первая) из *Хань шу* в сравнении с соответствующими главами из *Ши цзи*. По результатам исследования глава была разделена на три части, особенности которых отражены в данной статье. Каждая из этих частей соответствует определённому моменту в историческом периоде 209–202 гг. до н.э. и имеет свою собственную уникальную структуру, формируя особую архитектонику рассматриваемой главы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древний Китай, Западная Хань, политическая история, борьба за власть, *Хань шу*, *Ши цзи*, структура текста, текстологический анализ, Лю Бан.

Среди письменных источников по истории Западной Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) важнейшими являются *чжэньши* (официальные истории) *Хань шу* («История Хань») и *Ши цзи* («Исторические записки»). Наличие не одного, но двух источников по периоду предоставляет возможности сопоставительного анализа с различными целями, что особенно важно в условиях известной ограниченности источниковой базы для периода поздней древности истории Китая. Ниже вниманию читателя представлены первые результаты сравнения текстов глав, посвящённых начальному периоду деятельности и правления основателя Ханьского государства и новой правящей династии —

* Башкеев Виктор Викторович, н.с. Отдела Китая ИВ РАН, Москва, Россия; E-mail: martartofaw@gmail.com

© Башкеев В.В., 2018

Лю Бана. Мы расскажем об общей структуре и некоторых особенностях первой главы *Хань шу* — *Гао-ди цзи шан* 高帝紀上 (Хроника Гао-ди, часть первая), которые были выявлены в результате её сравнения с главами *Ши цзи* номер семь *Сян Юй бэньцзи* 項羽本紀 (Основная хроника Сян Юя) и восемь — *Гао-цзу бэньцзи* 高祖本紀 (Основная хроника Гао-цзу) [1, 2].

Общие положения

Наличие письменных памятников, освещающих один и тот же исторический период, делает возможным их сопоставление. Данная возможность столь очевидна, что обращение к схожим источникам порой предстаёт в ходе различных исследований как вспомогательный инструмент либо в поисках справочных сведений в содержании письменных памятников по определённой проблематике (для их дополнения или проверки), либо же во время перевода (с той же целью).

В случае с рассматриваемыми нами *Хань шу* и *Ши цзи* ярким примером служит отечественная наука, где помимо Р.В. Вяткина, регулярно обращавшегося к «Истории Хань» во время перевода «Исторических записок» для уточнения перевода последних, определённые главы памятников в содержательном смысле сравнивали в своих работах, например, В.С. Таскин и А.А. Торчинов [20; 21]. Не ставя перед собой сугубо исторических задач, они при этом явились одними из немногих авторов опубликованных переводов некоторых глав *Хань шу* на русский язык. Их суждения о *Ши цзи* и *Хань шу*, видимо, сыграли не последнюю роль в формировании в отечественном китаеведении распространённого представления о соотношении двух памятников, и потому, на наш взгляд, заслуживают частично быть приведёнными здесь.

В.С. Таскин, работавший с главами повествований о сюнну из обеих официальных историй, пишет в предисловии ко второму выпуску «Материалов по истории сюнну»: «Бань Гу в начале своего произведения даёт почти дословный пересказ сочинения Сыма Цяня, и лишь в некоторых местах он вставляет небольшие новые абзацы, о которых было упомянуто в примечаниях к первому выпуску „Материалов по истории сюнну“» [20, с. 3]. А.А. Торчинов, также переводивший некоторые жизнеописания из *Хань шу*, в свою очередь пишет в примечании к одному из переводов: «Следует отметить, что данные жизнеописания без каких-либо значительных расхождений присутствуют и в „Исторических записках“ Сыма Цяня (главы 102 и 112), откуда, видимо, и были взяты Бань Гу. Единственным значительным расхождением между текстами Сыма Цяня и Бань Гу является отсутствие у первого философской преамбулы в докладе Янь Аня, начи-

нающего прямо с исторических примеров, что делает редакцию Бань Гу более полной и интересной» [21, с. 422].

Обращает на себя внимание, что оба исследователя дали весьма сходную характеристику тому, что представляет из себя текст глав *Хань шу*, которую можно собирательно выразить как «почти дословный пересказ без каких-либо значительных расхождений, за исключением отдельных небольших новых абзацев». Нам представляется, что такой взгляд на проблему, войдя в отечественную науку и утвердившись в ней, породил некоторые важные последствия.

Во-первых, подобная оценка де-факто ставила между двумя памятниками знак примерного равенства. На фоне наличия в отечественной науке передового полного перевода *Ши цзи*, у исследователей невольно возникал соблазн воспринять два разных источника как некий, состоящий из сходных глав, мегатекст, составные части которого содержательно столь близки, что, во-первых, исследованием различий можно временно пренебречь, а во-вторых — можно опираться, в первую очередь, на уже переведённый текст *Ши цзи*, используя *Хань шу* во вторую очередь¹. Во-вторых, сведение упоминания обеих официальных историй к личностям Сыма Цяня и Бань Гу, вероятно, всё же могло невольно поспособствовать восприятию официальных историй (*чжэньши*) не как комплексных источников, состоящих из разнородных частей (что, конечно, осознаётся всеми специалистами по умолчанию), а как некоего единого текста, объединённого личностью автора². Особенно ярко это можно наблюдать в до сих пор единственной (!) опубликованной отечественной работе, посвящённой непосредственно *Хань шу* и Бань Гу — речь идёт, конечно же, о книге Е.П. Сеницына «Бань Гу — историк древнего Китая», за сорок с лишним лет ставшей, за неимением иного, едва ли не классикой нашего ханеведения [18]³.

¹ Эта тенденция прослеживается и в некоторых современных работах по кочевым народам в ханьскую эпоху (см., например, [17]).

² Заметим, что тенденция заменять названия памятников *Ши цзи* и *Хань шу* именами Сыма Цяня и Бань Гу, фактически приравнивая одно к другому, не миновала даже такого авторитетного учёного как Ван Эсс, обычно этого избегавшего (для сравнения см. [28] и [29]), и также коснулась некоторых других отечественных работ [14; 15; 26].

³ На наш взгляд то, что такая реферативная работа, в значительной степени созданная с опорой на другую, ранее изданную [31], на данный момент в течение более чем сорока лет остаётся единственной опубликованной работой в отечественной историографии, вышедшей за рамки отдельной статьи, очень ярко иллюстрирует положение дел как в отечественном

К сожалению, такое положение дел в значительной мере оттенило источниковедческую и текстологическую проблематику сопоставления текстов двух памятников официальных историй. Автору данной работы пока не удалось обнаружить отечественных публикаций, ставящих и исследующих этот круг проблем для периода поздней древности. Главный в отечественном китаеведении фундаментальный труд В.С. Спирина рассматривает памятники более раннего периода и иных жанров. Нам представляется, во многом так сложилось потому, что огромная задача перевода текстов официальных историй невольно увело на второй план исследование источниковедческих и текстологических проблем. По сути, помимо единственной, для своего времени блестящей специальной работы Ю.Л. Кроля [13] данных вопросов коснулась лишь статья М.В. Крюкова в предисловии к переводу Р.В. Вяткина [3], причём в обоих случаях исследовались *Ши цзи*, *Хань шу* подробно не освещалась. Что же касается научных оценок соотношения двух памятников, то они носили общий, недетализированный характер, и в целом соответствовали приведённым нами выше.

Меж тем, очевидно, что самим фактом своего существования оба памятника ставят ряд научных проблем источниковедческого свойства. Во-первых, это априорные для любого источника вопросы истории создания и передачи. Говоря об истории передачи, отметим сразу, что здесь мы не будем касаться широкого круга вопросов по данной проблематике, полагая это задачей для отдельного большого исследования с привлечением передовых достижений китайской науки. Сейчас же будем исходить из того, что данные, собранные А. Хульсеви и известные нам из библиографического справочника под редакцией специалиста по Западной Хань Майкла Леви [31, с. 129–136], достаточны для того, чтобы полагать классические издания обоих памятников [1; 2] подходящими для дальнейшего текстологического исследования без каких-либо дополнительных оговорок.

Что же касается истории создания памятников, то здесь возможность их сопоставления позволяет нам рассмотреть проблему их взаимосвязи и взаимовлияния. Общеизвестно, что ряд глав дошедшей до нас версии *Ши цзи* является позднейшей интерполяцией, но всё же большая их часть традиционно приписывается авторству семьи Сыма. Однако, как показывает проведённое нами исследование, уже материала одной первой главы *Хань шу* достаточно, чтобы и для тех глав *Ши цзи*, время создания которых полагалось определённым, поставить два вопроса:

ханеведении вообще, так и в изучении источниковедческой проблематики *Хань шу* в частности.

Во-первых, как соотносятся между собой тексты каждой из схожих глав *Ши цзи* и *Хань шу* по времени создания — где нынешняя версия *Ши цзи* предшествует нынешней версии *Хань шу*, а где — нет. Во-вторых, поскольку постановка первого вопроса лишает однозначности распространённый тезис о том, что «Сыма Цянь был источником для Бань Гу», возникает второй вопрос — как памятники могли влиять друг на друга в качестве источниковой базы (в каких случаях один мог выступать источником информации для другого, либо же в качестве таковой выступал некий корпус третьих источников).

Поскольку тема настоящей статьи — это, прежде всего, *Хань шу*, то искать подходы к развёрнутым ответам на данные вопросы мы будем в будущих публикациях, посвящённых в первую очередь *Ши цзи*, здесь же частично познакомим читателя с теми наблюдениями, которые позволили их поставить. Главное, на что мы хотим обратить здесь внимание, — сопоставление схожих текстов *Ши цзи* и *Хань шу* объективно может носить не только вспомогательный характер для справки и перевода, но быть самостоятельным исследованием, мотивированным широким кругом источниковедческих вопросов, как упомянутых выше самостоятельных, так и мотивированных более масштабными исследовательскими задачами, конечной целью ставящими углубление понимания исторического процесса в данный период.

Методика исследования

В последнем случае предпочтительно обращение к комплексному подходу к историческому исследованию, о чём мы и наши коллеги не раз писали ранее⁴. Одна из отличительных черт данного подхода — на всех его этапах исследователь мотивирован получением новых знаний об историческом процессе. Поэтому применяемые им методы, прежде всего, нацелены на извлечение имплицитной информации из эксплицитно данных источников.

В результате на текстологическом этапе исследования, который возникает на стыке источниковедческой и текстологической проблематики и может быть назван «критикой текста»⁵, важное значение приобретает понимание внутренней структуры исторических источников. Понимание необходимости такой критики для проникновения во внутреннюю структуру текста, для выяснения того, какого рода информацию несёт та или иная его часть, и как можно эту информацию использовать для пополнения картины исторического процесса, в отечественном китаеведении во многом сформировалось благодаря

⁴ По данным вопросам см.: [7; 8].

⁵ По данным вопросам см.: [6; 7; 10–12; 16; 22; 23; 26].

фундаментальному труду В.С. Спирина [19], блестяще показавшего значимость структурного анализа и критики текста. В настоящее время на этапе «критики текста» источник рассматривается на предмет выявления в нём структурных единиц различного уровня по тем или иным формальным и смысловым критериям.

И здесь наличие нескольких сходных текстов является настоящим подарком для исследователя их внутреннего структурного деления. Мы предлагаем методику, в которой создаётся соответствие визуального отображения двух отдельных текстов, что позволяет представить их как единый искусственный «мегатекст», соответствие иероглифических структур позволяет увидеть структуру в целом. В данном случае это позволяет предложить методику наглядной проверки упомянутого выше восприятия сходных глав *Ши цзи* и *Хань шу* как своего рода единого «мегатекста», степень «общности» которого позволяет, по сути, пренебречь различиями двух памятников.

Проверка эта технически осуществляется с помощью построения синтетической матрицы «мегатекста» в виде таблицы, в которой памятники визуально расположены в строгом соответствии друг другу. Далее проводится полное поиероглифическое сравнение текстов с выделением особых единиц сравнения «высказываний» и «синтагм», о которых будет сказано ниже.

Полезьа такого подхода в рамках исследования одного из источников в том, что другой может быть ориентиром для структурирования первого, позволяя вскрыть имплицитную генетическую структуру текста, неочевидную вне сравнения. В нашем случае структурируемым текстом является первая часть первой главы *Хань шу*, а текстами-ориентирами — несколько глав из *Ши цзи*. Применительно к таким комплексным источникам как официальные истории, при анализе каждого из памятников как такового важнейшим дифференцирующим фактором является тип текста в той или иной структурной группе. Это было показано нами и нашими коллегами ранее, в том числе на материале второй части первой, исследуемой нами здесь главы *Хань шу* [6; 7]⁶. Подход, включающий в себя предварительный текстологический анализ нескольких памятников как объединённого соответствием мегатекста, позволяет проводить структурное деление уже с учётом текстологической структуры того или иного фрагмента главы. Дальнейшее выявление возможной корреляции типа текстологической структурной группы с типом содержащейся в нём информации может быть весьма полезно для выявления имплицитной исторической информации. Текст при этом, как обычно при структурном

⁶ По данным вопросам также см.: [6, 7, 10–12, 16, 23, 26].

анализе, рассматривается как общность на трёх уровнях — микроуровне, среднем уровне и макроуровне.

Критерии выделения трёх уровней структуры текста

Итак, в качестве лексически-синтаксических структурных элементов на микроуровне используются такие категории как «высказывания» и иероглифы. Иероглиф, очевидно, представляет собой минимальную исходную единицу. «Высказывания» — синтаксическая общность, определяемая наличием субъекта и предиката.

На среднем уровне структуры — выделяются «синтагмы», состоящие из одного или нескольких «высказываний». «Синтагмы» либо совпадают в двух памятниках, являя собой единую синтаксическую и лексическую общность, либо не совпадают, будучи различающимися в двух памятниках фразами. Каждой синтагме был присвоен номер в таблице мегатекста и все дальнейшие операции подсчёта проводились уже с синтагмами.

Объединяясь формальными и смысловыми параметрами, синтагмы, в свою очередь, могут формировать в тексте памятника более крупные структурные группы — фрагменты.

Формальные параметры классификации синтагм определяются по степени сохранения соответствия в единой матрице мегатекста. Когда в синтагме сохраняется полное соответствие в мегатексте, такая синтагма называется нами синтагмой «полного совпадения»⁷. Синтагма, где соответствие нарушается не более чем в двух иероглифах, называется синтагмой «частичного совпадения». Там, где соответствие в синтагме нарушается в трёх и более местах, называется нами синтагмой «отличия»⁸. Если же соответствие в сравниваемых синтагмах не просматривается никак, мы называем такие синтагмы «уникальными» для структурируемой главы *Хань шу* по отношению к главам памятника ориентира.

Таким образом, по своим формальным признакам синтагмы делятся на совпадающие (отличие не более чем в двух иероглифах) и

⁷ Здесь и далее в кавычки мы заключаем названия синтагм, введённые нами как термины.

⁸ Классификация и анализ отличий в соответствующих синтагмах представляет собой отдельный исследовательский интерес. Сейчас же отметим, что нами были зафиксированы смысловые и технические (не влияющие на смысл) отличия. Первые включают в себя знаменательные (отличия влияют на смысл высказывания) и номинальные (то, как записывается имя исторического лица и указан ли фамильный иероглиф), вторые — отличия в служебных словах или наличие разнописи иероглифов одного смысла. Важно, что никаких других видов отличий при сравнении зафиксировано не было.

различающиеся (частично или полностью). Далее, они классифицируются в зависимости от того, в какой последовательности соотносятся в тексте:

1. Там, где встречаются три и более совпадающие синтагмы подряд, фиксируется более крупная структурная группа, названная нами **«совпадающий фрагмент»**. Это фрагмент однородного текста, показатель того, что его внутренняя целостность сохранена и важна.

2. В случае наличия трёх или более подряд отличающихся синтагм — фиксируется **«отличающийся фрагмент»**. Последний может включать в себя как отличающиеся, так и уникальные для текста *Хань шу* синтагмы. Это фрагмент текста, явно проходившего через изменения, выявленные в результате текстологического анализа.

3. Там, где синтагмы разного типа соседствуют между собой, сменяя друг друга в последовательности не более двух подряд, фиксируется **«смешанный фрагмент»**. Это — показатель того, что в данной части памятника проходили наиболее активные структурные преобразования, т.к. в нём по определению нет устойчивых фрагментов одного типа.

4. Наконец, там, где синтагмы одного типа в количестве не более двух подряд разделяют между собой синтагмы другого типа, фиксируется **«переходный фрагмент»** (своего рода разделяющая «прокладка» между фрагментами текста одного типа)⁹. В качестве примера см. выдержку из таблицы с «мегатекстом» ниже [1, 2].

Выдержка из таблицы-мегатекста с различными видами синтагм (часть «Пэй-гун»)

№	Синтагма	Тип	Фрагмент
311			
XIII	乃以 屬吏	Частичное совпадение	Совпадающий
IIIЦ	乃以秦王 屬吏		
312			
XIII	遂西入咸陽	Полное совпадение	
IIIЦ	遂西入咸陽		
313			
XIII	欲止宮休舍樊噲張良諫	Полное совпадение	
IIIЦ	欲止宮休舍樊噲張良諫		

⁹ Такого рода фрагменты представляют особый интерес для отдельного исследования последовательности и типа изменений, которые претерпел тот или иной текст.

314			
XIII	乃封秦重寶財物府庫還軍霸上	Полное совпадение	
IIIЦ	乃封秦重寶財物府庫還軍霸上		
315			
XIII	蕭何盡收秦丞相府圖籍文書	Уникальная	Переходный
316			
XIII	十一月召諸縣 豪桀曰	Отличие	
IIIЦ	召諸縣父老豪桀曰		
317			
XIII	「父老苦秦苛法久矣	Полное совпадение	Совпадающий
IIIЦ	「父老苦秦苛法久矣		
318			
XIII	誹謗者族 耦語者棄市	Частичное совпадение	
IIIЦ	誹謗者族 偶語者棄市		
319			
XIII	吾與諸侯約先入關者王之 吾當王關中	Полное совпадение	
IIIЦ	吾與諸侯約先入關者王之 吾當王關中		
320			
XIII	與父老約法三章耳	Полное совпадение	
IIIЦ	與父老約法三章耳		
321			
XIII	殺人者死傷人及盜抵罪	Полное совпадение	
IIIЦ	殺人者死傷人及盜抵罪		
322			
XIII	餘悉除去秦法	Полное совпадение	
IIIЦ	餘悉除去秦法		
323			
XIII	吏民皆按堵如故	Отличие	Переходный
IIIЦ	諸吏人皆案堵如故		

Смысловые параметры выделения фрагментов в нашем случае являются уточняющими и проистекают из ранее полученных результатов текстологического исследования. Они накладываются на формальные и добавляют к ним содержательную характеристику, указывая, к какой структурной группе относится тот или иной фрагмент. Синтез формальных и смысловых критериев при оценке структуры текста полезен тем, что позволяет более полно увидеть его внутреннюю генетику.

На макроуровне — рассматриваются три крупные *части* текста внутри одной главы *Хань шу*, также объединённые формальными и смысловыми параметрами. Основной формальный параметр — степень общности текстов двух глав (забегая вперёд, отметим, что она разная). Главным смысловым критерием является изменение наименования главного героя (Лю Бана) с «Гао-цзу» (高祖) в первой, вступительной части на «Пэй-гун» (沛公), во второй и, наконец, «Хань-ван» (漢王) в завершающей, третьей, поэтому мы условно обозначили данные части как «Гао-цзу», «Пэй-гун» и «Хань-ван». Кроме того, при выделении частей учитывалась их смысловая нагрузка — вступление представляет будущего императора, вторая часть относится к периоду существования Западного Чу и деятельности Лю Бана как начальника Пэй, и затем — как правителя царства Хань в первые годы управления империей. Наконец, учитывалось, каким образом в тексте осуществляется датирование событий — во вступительной части, в отличие от последующих двух, датировка событий отсутствует. Также не следует забывать, что начиная со второй части, кроме восьмой главы *Ши цзи* в качестве соответствующего текста также выступает и седьмая.

Результаты исследования

Общее соотношение синтагм в трёх частях текста

Всего в результате сравнения в структурируемом тексте *Хань шу* нами было выделено 758 синтагм. Их распределение между тремя макрочастями следующее: 95 (12,5%) во вступительной части «Гао-цзу», 330 (43,5%) во второй части «Пэй-гун» и 333 (43,9%) в третьей части «Хань-ван». Как видно по соотношению синтагм, основная содержательная нагрузка практически поровну распределена между второй и третьей частью, тогда как первая часть полностью оправдывает данную ей в условном названии характеристику, являясь преамбулой к основному повествованию.

Доля полностью совпадающих синтагм во вступительной части составляет 54,7% (52 из 95), доля частично совпадающих (нарушение соответствия не более чем в двух знаках) составляет 36,8% (35 из 95), доля отличных друг от друга синтагм (нарушение соответствия в трёх знаках и более) составляет 8,4% (8 из 95), и наконец, уникальных, не встречающихся в соответствующем тексте *Ши цзи* синтагм, во вступительной части первой главы *Хань шу* нет. Общее соотношение совпадающих и различных синтагм в первой части — 91,5% на 8,5% — это позволяет говорить о высокой степени общности текстов во вступительной части «Гао-цзу».

В свою очередь, доля полностью совпадающих синтагм в части «Пэй-гун» составляет 25,1% (83 из 330), доля частично совпадаю-

ших (нарушение соответствия не более чем в двух иероглифах) составляет 26% (86 из 330), доля отличных друг от друга синтагм (нарушение соответствия в трёх иероглифах и более) составляет 39,3% (130 из 330), и наконец, уникальных, не встречающихся в соответствующем тексте *Ши цзи* синтагм 9,3% (31 из 330). Общее соотношение совпадающих и различных синтагм во второй части — 51,4% на 48,6%. Налицо явное отличие от вступления — доли совпадающих и различных синтагм во второй части распределяются практически поровну, с небольшим преимуществом совпадающих.

Наконец, доля полностью совпадающих синтагм в третьей части «Хань-ван» составляет 12,6% (42 из 333), доля частично совпадающих (нарушение соответствия не более чем в двух иероглифах) составляет 14,1% (47 из 333), доля отличных друг от друга синтагм (нарушение соответствия в трёх иероглифах и более) составляет 30,3% (101 из 333), и наконец, уникальных, не встречающихся в соответствующем тексте *Ши цзи* синтагм 43,8% (146 из 333). Общее соотношение совпадающих и различных синтагм во второй части — 26,8% на 74,2%. Налицо явное отличие от второй части и почти диаметрально противоположное отличие от вступления. Если в первой части можно говорить о высокой степени общности текстов, а во второй о равном соотношении 50/50, то в третьей части доля общности текстов *Ши цзи* и *Хань шу* лишь немного превышает одну четверть при том, что более 40% синтагм являются уникальными для *Хань шу* (наглядно информация представлена на графиках).

График 1. Соотношение процентных долей, совпадающих: полностью (1), частично (2), отличающихся (3) и уникальных (4) синтагм в трёх макрочастях главы *Хань шу*

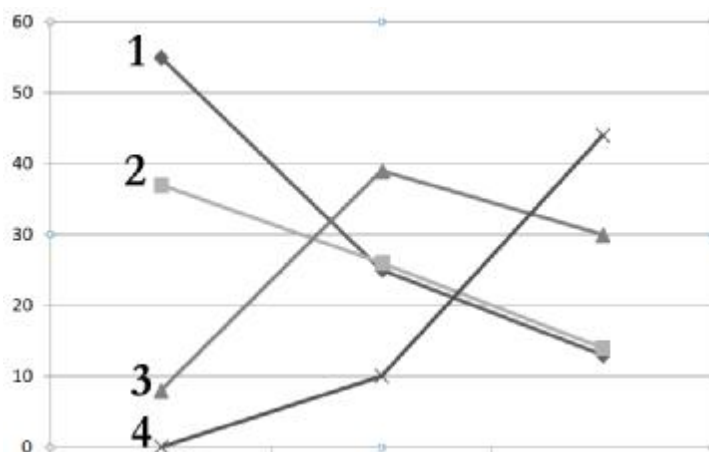
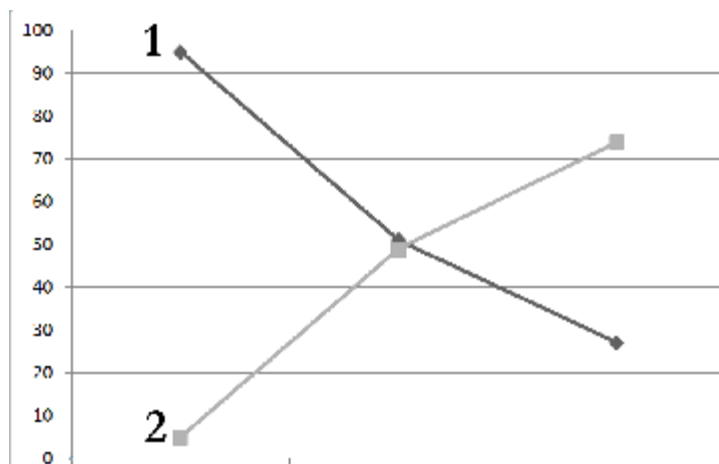

График 2. Соотношение процентных долей общих (1) и различных (2) с *Ши цзи* синтагм в трёх макрочастях главы *Хань шу*

Вышеприведённые данные позволяют сделать первый важный вывод о структуре первой части первой главы *Хань шу* — три выделенные нами макрочасти «Гао-цзу», «Пэй-гун» и «Хань-ван», отличаются не только наименованием Лю Бана, и тем, каким главам *Ши цзи* они соответствуют. Они также принципиально отличны по структуре соотношения с *Ши цзи*. Причём очевидна тенденция последовательного падения доли общих синтагм и увеличения доли различных, что позволяет предположить, что данные макрочасти, будучи сейчас представлены в тексте *Хань шу* как единое целое, в действительности изначально представляли собой три *различных* генетически текста, что позволяет нам говорить о явной гетерогенности текста *Хань шу Гао-ди цзи шан*.

Особенности внутренней структуры каждой из трёх частей текста. Деление на совпадающие и различные фрагменты. Смысловая и типовая нагрузка

1. Часть «Гао-цзу»

Практически всё вступление состоит из совпадающих фрагментов. Опишем их структуру и рассмотрим содержание, чтобы увидеть тип текста в разных синтагмах. Связное повествование, сформированное ими, разбивается одиночными переходными отличающимися синтагмами пять раз. Ещё один раз, в самом начале главы две отличающиеся синтагмы образуют переходный после паспортных данных императора фрагмент.

Затем следует ряд совпадающих фрагментов, строго перемежающихся одиночными переходными синтагмами. Такая структура весьма интересна, поскольку каждый из фрагментов представляет собой законченный сюжет, однородность которого не нарушается переходными синтагмами. На наш взгляд, данное явление заслуживает особого внимания, т.к. стройность отделения переходными фрагментами одного совпадающего сюжета от другого может означать, что вступление могло формироваться путём сбора ряда отдельных сюжетов с дальнейшим сведением их вместе с помощью «переходных фраз». Сами же сюжеты были весьма устойчивы к изменению, допуская в себе только минимальные различия не более двух иероглифов.

Опишем данные фрагменты.

Сюжет 1. Внешность Лю Бана. Совпадающий фрагмент, описывающий особую внешность Гао-цзу, состоит из трёх синтагм [4]¹⁰.

Сюжет 2. Характер Лю Бана. Следующий сюжет после одной переходной синтагмы описывает его характер, любовь к пьянству и плотским утехам (4 синтагмы) [4].

Сюжет 3. Встреча с Люй-гуном. Затем, после ещё одной переходной синтагмы следует длительный (31 синтагма) сюжет о первой встрече Гао-цзу с Люй-гуном, очевидно важнейший в сюжетном плане во вступлении, т.к. восемь подряд синтагм в нём совпадают полностью.

Сюжет 4. Императрица Люй, Лю Бан и старцы. (Символ связи с кланами рода Люй). Затем, после одиночной переходной синтагмы следует фрагмент из 12 синтагм о встрече императрицы и императора со старцами.

Сюжет 5. Гадание старцев, Шапка рода Лю, Ночной поход, убийство змеи. Мотивационно неясный, но при этом структурно однородный фрагмент из девяти совпадающих синтагм. В содержательном плане его объединяет мифологичность, и даже, более того, элементы эпоса. Тут нет никого из реальных персонажей, даже императрицы Люй. Вероятно, однако, что все чудесные события, произошедшие с Лю Баном здесь, являются последствиями гадания у старцев, и, соответственно, могут быть иносказательным отражением его будущего.

Сюжет 6. Императрица Люй всегда находит Гао-цзу. Вновь подчёркивается могущество рода Люй, от которого Лю Бану никуда

¹⁰ Здесь и далее совпадающие фрагменты текста см. в [4, с. 159–162].

не скрыться, и, вероятно, прослеживается намёк на острую междинастическую борьбу за высшую власть в конце правления.

Три заключительных сюжета весьма похожи на эзопов намёк на печальный конец правления Лю Бана. С точки зрения содержания, здесь явно высвечивается значительно отстоящее от актуального исторического времени и нагруженное рефлексией, выраженной в мифологических мотивах, «житие сильных мира сего», печальная судьба которых предначертана заранее.

Отметим также, что именование главного героя храмовым именем «Гао-цзу» также указывает на то, что данное вступление является продуктом значительно более поздним, чем последующие основные части, именовавшие Лю Бана так, как это было актуально в конкретное историческое время.

Вкупе с очень большой степенью внутренней структурной общности сюжетов вступления, это подводит нас к заключению о собранном тексте, отдельным однородным частям которого придавалось весьма немалое сакральное значение.

Итак, можно с уверенностью говорить о высокой степени общности текста вступления на структурном уровне. В то же время, наложение на его структуру таких смысловых показателей как сюжетная нагрузка, показывает, что данная общность, вероятно, не предполагает тотальную однородность текста, а указывает на возможное собирание вступления из шести отдельных самостоятельных законченных сюжетов, внутренне уже весьма устойчивых к изменению, но разделённых между собой связующими фразами, которые подверглись дополнительной редакции.

2. Часть «Пэй-гун»

Первое явное отличие от вступительной части «Гао-цзу» — в части «Пэй-гун» наличие **датирования событий** в *Хань шу*, что отсутствует в соответствующих предложениях *Ши цзи*. Это позволяет говорить о появлении синтагм хроникального типа.

Напомним, что общие и различные синтагмы соотносятся практически поровну, с небольшим преимуществом совпадающих. В отличие от первой части, стройной системы расположения больших совпадающих или различающихся фрагментов не наблюдается. Совпадающие фрагменты встречаются нечасто, постоянно перемежаясь фрагментами смешанного типа, включающими менее трёх синтагм подряд.

Всего совпадающие фрагменты встречаются 25 раз, отличающиеся — 19 раз, переходные — 23 раза, смешанные — 14 раз. В целом это позволяет констатировать, что текст второй части прошёл

через серьёзные изменения и не получил чёткой, заранее заданной системы расположения фрагментов (как в первой части).

Тем не менее, совпадающим синтагмам и фрагментам во второй части всё же присуща, как минимум, одна закономерность, связанная с типом содержащейся в них информации. В 23 из 37 (62%) случаев употребления в качестве введения прямой речи, знак юэ 卍 («молвил»), встречается в совпадающих синтагмах. В 25 случаях совпадающие синтагмы в количестве более двух подряд формируют более крупные совпадающие фрагменты, в 15 (60%) из которых зафиксирована прямая речь. Соответственно, наблюдается, прежде всего, однородность фрагментов, содержащих прямую речь, что явно выделяет их на фоне остального текста, в том числе и указывая на их отнесённость к особому, отличному от хроники, структурному типу «нарратива».

Оставшиеся десять крупных совпадающих фрагментов включают в себя информацию, относящуюся к хроникальному типу. Это нетипично для данной части — основная хроникальная информация представлена в смешанных и отличающихся фрагментах.

3. Часть «Хань-ван»

Главная отличительная особенность третьей части от предыдущих — значительная доля уникальных для *Хань шу* синтагм, большая доля отличающихся и малая доля совпадающих. Прежде всего, 43% уникальных для *Хань шу* синтагм свидетельствует, что именно последняя часть главы *Хань шу* включила в себя наибольшее количество добавлений по сравнению с *Ши цзи*. Тип этих добавлений, с учётом того, что на уникальные синтагмы *Хань шу* приходится 72% употребления прямой речи (18 из 25 случаев) позволяет предположить, что перед составителями дошедшей до нас главы *Хань шу* стояла задача освещения данного периода не только с позиции передачи хроникальных данных, но и с позиции добавления нарративных фрагментов.

Примечательно, что наибольшая доля совпадающих (причём полностью) синтагм сконцентрирована в самом начале третьей части в большом совпадающем фрагменте, содержащем информацию о наделениях титулами ванов, что свидетельствует о высокой степени её важности. На всём остальном пространстве третьей части крупные совпадающие фрагменты встречается ещё три раза и каждый раз содержат в себе прямую речь, что позволяет охарактеризовать их как «нарратив» [26, с. 255].

Заключение

Проведённый анализ показал, что текст данной главы *Хань шу* на макроуровне структуры состоит из трёх частей: 1. «Вступление» —

вероятно, более поздний текст, собранный из шести сакрально значимых фрагментов, описывающий и представляющий Лю Бана, а также иносказательно указывающий на его дальнейшую судьбу. 2. «Пэй-гун» — хроника времён Западного Чу. 3. «Хань-ван» — хроника первых лет управления империей.

Данные макрочасти различаются по следующим смысловым и синтаксическим параметрам:

1. Наименования Лю Бана и связанная с этим смысловая нагрузка. «Гао-цзу» (高祖) во «Вступлении»; «Пэй-гун» (沛公, «Глава Пэй»), во второй; «Хань-ван» (漢王) в третьей.

Вступление представляет нам героя, вторая и третья части рассказывают о его деятельности как главы уезда Пэй и как Хань-вана.

2. **Тип и содержание текста.** В первой части содержится повествование житийного характера с элементами героического мифа и эпоса, последующие две части скорее относятся к типу хроники, но также включают в себя и «нарративные» фрагменты, содержащие прямую речь.

3. **Степень совпадающих иероглифов и высказываний** текста *Хань шу* с текстом восьмой и седьмой глав *Ши цзи*. В первой части доля совпадающих синтагм и высказываний высока (92%), во второй части совпадающие и несовпадающие синтагмы равны по долям, для третьей части характерно преобладание уникальных для *Хань шу* синтагм (43% таковых), тогда как совпадает лишь менее 27%.

4. **Датировка.** Во вступлении датировка отсутствует в принципе, во второй части («Пэй-гун») датировка проводится по годам правления циньского Эрши Хуан-ди, а самом конце вновь пропадает, возобновляясь только в третьей части с первого года правления Хань-вана. При этом обращает на себя внимание более подробная, с указанием месяцев, датировка в *Хань шу*.

Исходя из означенных отличий частей, мы делаем вывод о том, что бытующее в отечественной науке мнение о высокой степени общности двух официальных историй, освещающих период Хань, по результатам анализа рассмотренных нами глав, может быть подвергнуто серьёзному сомнению. Также отметим, что первая часть первой главы *Хань шу* очевидно имеет неоднородную природу. Нам представляется весьма вероятным то, что разные части имели различную источниковую базу и разное время создания, что предполагает рассмотрение всей главы как комплексной, собранной из различных текстов, а никак не однородного текста.

Источники

1. *Бань Гу*. Хань шу («История Хань»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962. С. 1–49.

2. *Сыма Цянь*. Ши цзи («Исторические записки»). Пекин: Чжунхуа шущзюй, 1959. С. 295–395.
3. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки) / Пер. с кит. и комм. *Р.В. Вяткина*. Т. 1. М., 2001. С. 12–65.
4. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки) / Пер. с кит. и комм. *Р.В. Вяткина*. Т. 2. М., 2003. С. 117–200.
5. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки) / Пер. с кит. и комм. *Р.В. Вяткина*. Т. 3. М., 1984.

Литература

6. *Башкеев В.В.* Жанровая атрибуция текста второй части первой главы Хань шу («История Хань»): анализ структуры главы // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Востоковедение. Улан-Удэ, 2011. Вып. 8. С. 39–44.
7. *Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С.* Подходы к исследованию исторических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии // «Отголосок прошедшего в будущем». М., 2012. С. 41–71.
8. *Башкеев В.В., Ульянов М.Ю.* Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // 44 научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 2014. С. 312–367.
9. *Деопик Д.В.* и др. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969.
10. *Деопик Д.В.* Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю» // IV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Выпуск II. М., 1973.
11. *Деопик Д.В.* Некоторые принципы построения формализованных языков для исследования исторических источников // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981.
12. *Деопик Д.В.* Исторический контент-анализ // Тезисы докладов и сообщений научного совещания «Комплексные методы в исторических исследованиях». М., 1987.
13. *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970.
14. *Кроль Ю.Л.* Теория пяти элементов и взгляды Сыма Цяня и Бань Гу на историю // XXVIII НКОГК. Ч. I. М., 1998.
15. *Кроль Ю.Л.* Разделял ли Бань Гу представление Сыма Цяня о том, что ханьский Вэнь-ди получил «мандат Неба» (*тянь мин*) // XXI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2011. С. 112–118.
16. *Лихачёв Д.С.*, при участии *Алексеева А.А.* и *Боброва А.Г.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2001.
17. *Никоян С.С.* Образы шаньюев сюнну (по материалам «Сюнну ле чжуань» Сыма Цяня и Бань Гу) и конфуцианский идеал правления: примеры корреляции // Уральское востоковедение. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 40–49.
18. *Синицын Е.П.* Бань Гу — историк древнего Китая. М., 1975.

19. *Стирин В.С.* Построение древнекитайских текстов. 2-е изд. (с послесловием *Р.Н. Дёмина*). СПб., 2006.
20. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Выпуск второй. М., 1973.
21. *Торчинов А.А.* Проблема «Китай и соседи» в жизнеописаниях Фэн Тана и Янь Аня // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М.: Восточная литература, 2005.
22. *Ульянов М.Ю.* Текстологические аспекты исследования древнего текста «Бамбуковых анналов» (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) // Научная конференция «Ломоносовские чтения». Тезисы докладов. М., 2006. С. 72–76.
23. *Ульянов М.Ю.* Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзо-чжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // XLI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2011. С. 43–59.
24. *Ульянов М.Ю.* Об этапах историописания в Древнем Китае: периоды Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) // Institutionis Conditori Илье Сергеевичу Смирнову. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск L. М., 2013. С. 317–336.
25. *Ульянов М.Ю.* Данные Чунь цю Цзо чжуань («Комментарий Цзо к „Вёснам и осеням“») о ведении «анналов» в царствах Древнего Китая периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Собрание трудов. М., 2014. С. 437–454.
26. *Ульянов М.Ю.* Структура «комментирующего комплекса» Чуньцю Цзо-чжуань (комментарий Цзо к Чуньцю) // Розенберговский сборник. Востоковедные исследования и материалы. СПб., 2014. С. 248–270.
27. *Чаплыгина М.Д.* Взгляды Сыма Цяня и Бань Гу на период правления и личностные особенности Люй-хоу // XXXVI научная конференция Общество и государство в Китае. К 70-летию А.А. Бокщанина. М., 2006.
28. *Ess Hans van.* The Meaning of Huang-Lao in Shiji and Hanshu // *Études chinoises*, vol. XII, n° 2, automne 1993.
29. *Ess Hans van.* Praise and slander: the evocation of Empress Lü in the Shiji and the Hanshu // *NAN NÜ*, Volume 8, Issue 2, pages 221 — 254 Brill, Leiden, 2006.
30. *Loewe M. (ed.)*. Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide. Berkeley, 1993.
31. *Sprenkel O.B. van der.* Pan Piao, Pan Ku and Han History. Canberra, 1964.

*V.V. Bashkeev**

**First part of *Han shu* Chapter 1 in comparison
with corresponding *Shi ji* chapters:
First results of textual analysis**

ABSTRACT: The article presents the results of textual comparative analysis for the *Han shu* Chapter one as compared with the corresponding

Shi ji chapters. As a result of the research it became possible to divide the chapter into three parts. These three parts refer to three historical periods in the ancient China post-Qin pre-Han several years history. Each part has its own texts structure discussed in this paper.

KEYWORDS: ancient China, Western Han, political history, power struggle, *Han shu*, *Shi ji*, text structure, textual comparative analysis, Liu Bang.

* Bashkeev Victor Victorovich, Research Fellow of China Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; E-mail: martartofaw@gmail.com